

Дѣла давно минувшихъ дней.

Глава I.

Съ быстротой кинематографической ленты несутся передъ нами событія титанической борьбы народовъ съ нѣмецкимъ звѣремъ, поднявшимъ ураганъ войны, чтобы затопить весь міръ океаномъ человѣческой крови. На протяженіи двухъ столѣтій мы вели побѣдоносныя войны съ нашей ближайшей сосѣдкой Оттоманской имперіей, и, такимъ образомъ, русская армія встрѣтилась опять со своей старой знакомой, которую она съ тѣмъ же неизмѣннымъ успѣхомъ, какъ и прежде, колотить на этотъ разъ во славу „тевтонскаго бога“...

Мы еще не можемъ съ достовѣрной точностью опредѣлить дальнѣйшій ходъ исторіи, но такъ или иначе, а карта Европы будетъ перестроена, и грозный завоеватель древней Византіи уйдетъ въ Азію, откуда онъ пришелъ къ намъ.

Однако, интересно было бы знать теперь, куда собственно или въ какую сторону Азіатскаго материка поведетъ безумный Энверъ турецкій народъ? На берегахъ классическихъ морей ему уже нѣтъ мѣста, такъ какъ всѣ его земли въ Малой Азіи давно захвачены нѣмецкой саранчой, борьба съ которой не подъ силу даже намъ, могучей, несокрушимой державѣ, а не только умирающей, разбитой параличемъ, ограбленной Турціи. Сейчасъ, напимѣръ, армія наша выбрасываетъ штыками изъ окопѣвъ озвѣрѣвшіе легіоны „божественнаго кайзера“, забираетъ ихъ гаубицы, цепелины, гонитъ передъ собой, какъ стадо барановъ, тысячи плѣнныхъ, а у себя дома мы никакъ не можемъ управиться съ „мирнымъ колонистомъ“... Все это слишкомъ даже хорошо извѣстно каждому, и я ровно ничего новаго не скажу, если буду продолжать въ такомъ же духѣ. Мои

воспоминанія неудержимо летятъ сейчасъ къ тому времени, когда „тевтонскій богъ“ сидѣлъ еще на школьной скамьѣ, и учитель географіи, надо полагать, ставилъ ему тогда очень хорошіе баллы...

Лучшіе годы моей жизни протекли на берегахъ волшебной красоты Босфора, прелестнаго, какъ мечта, Эгейскаго моря, а также въ Малой Азіи и огненной Африкѣ.

Тамъ я вела свой дневникъ, записывая въ него рѣшительно все, что наблюдала сама. Такимъ образомъ, у меня сохранился обширный матеріалъ этнографическихъ и бытовыхъ картинъ мусульманскаго Востока.

Мои рассказы уже были на страницахъ этого журнала; но нѣкоторыя мелочи, составляя отдѣльные эпизоды, также просятся въ рамки печатнаго станка, и я предлагаю читателю правдивую исторію одной русской дамы, всю жизнь блуждавшей за границей и ни разу не лишенной свободы, хотя главная арена ея интересныхъ похожденій находилась именно въ Турціи, а также въ Египтѣ. Я отмѣчаю этотъ фактъ для параллели съ тѣмъ, что дѣлается сейчасъ тамъ, въ наши дни по распоряженію нѣмецкаго Магомета изъ Берлина, такъ какъ извѣстно, что Вильгельмъ объявилъ себя намѣстникомъ Аллаха на землѣ. О, да! германскіе разбойники XX вѣка могутъ съ гордостью подтвердить, что они ушли куда дальше башибузуковъ и людоѣдовъ, если таковые остались еще на архипелагахъ Тихаго океана. Въ данномъ случаѣ новый калифъ Ислама не знаетъ себя подобнаго, и въ этомъ его триумфъ!..

Но вернемся къ моей героинѣ и къ ея интереснымъ приключеніямъ во вкусѣ „княжны Таракановой“. Я познакомилась съ ней, когда жила на островѣ Хиосѣ у моего дяди, русскаго консула и его жены, замѣнявшихъ мнѣ отца и мать.

Н. С. Пашкова, такъ звали мою героиню, по рожденію и по мужу принадлежала къ высшему кругу нашего столичнаго общества, а природа, всегда щедрая къ нѣкоторымъ избраннымъ, наградила ее прямо волшебной, неувядаемой красотой: на 48 году своей бурной жизни она казалась не старше 23—24 лѣтъ, и никто не хотѣлъ вѣрить, что у нея были взрослый сынъ офицеръ и замужняя дочь.

Эта русская Нинонъ Ланкло такъ же, какъ ее знаменитый прототипъ, никогда не знала границъ своимъ причудамъ и мотовству: она сорила деньгами точно въ экстазѣ; но не прошло даже и 10 лѣтъ ея супружества съ богачемъ Пашковымъ, а отъ ея

милліоновъ къ тому времени осталось лишь всего одно пріятное воспоминаніе.

Тогда „вѣрная“ жена и „нѣжная“ мать, какъ она сама называла себя, покинувъ домашній очагъ, отправилась въ дальніе края, чтобы найти тамъ другую Калифорнію, и не ошиблась!..

По собственному ея выраженію, она терпѣть не могла ни въ чемъ рѣшительно, даже въ мелочахъ жизни, вульгарныхъ пріемовъ. Съ этой моралью „добродѣтельная“ супруга прогорѣвшаго милліонера выступила на путь къ авантюрамъ, окруживъ свое имя такими прекрасными легендами, что всякая дурная мысль какъ-то сама по себѣ исчезала передъ ней, и золото широкимъ потокомъ лилось изъ туго набитыхъ кошельковъ въ ея бездонные карманы.

Въ Парижѣ, напримѣръ, она дебютировала подъ флагомъ любимой жены турецкаго султана, ревность котораго заставила ее бѣжать отъ перспективы кожанаго мѣшка.

Въ Италію наша русская красавица явилась незаконной дочерью коронованной особы, принадлежавшей къ дому Габсбурговъ, а въ Лондонѣ она фигурировала, какъ бѣглянка изъ гарема персидскаго шаха.

Да не подумаетъ тотъ, кто прочтетъ эти строки, что я взяла ихъ изъ романа Салиаса „Принцесса Володимірская“! Нѣтъ! Н. С. Пашкова существовала, дѣйствовала, инсценируя, такимъ образомъ, княжну Тараканову на аренѣ XIX вѣка, и все безусловно вѣрили сказкамъ, которыя она рассказывала о себѣ, плѣненные, очарованные ея удивительной красотой.

Однако всему бываетъ конецъ, и золотая рѣка, на волнахъ которой плыла моя героиня, вдругъ почему-то обмелѣла..

А тѣмъ временемъ слѣпая Фортуна устроила дѣло такъ, что покинутый мужъ, наслѣдникъ цѣлой серіи бездѣтныхъ представителей рода Пашковыхъ, сталъ опять милліонеромъ.

И вотъ раскаявшаяся грѣшница, не долго собираясь, покинула чужіе берега и вернулась къ своимъ пенатамъ, какъ добрая мать и жена: влюбленный супругъ, предавъ забвенію прошлое, открылъ ей снова золотоносный источникъ, въ который она не замедлила окунуться прямо съ головой...

Здѣсь, пожалуй, и развязка?.. О! нѣтъ! приходится добавить сюда еще одну страницу о баснословныхъ приключеніяхъ нашей русской Нинонъ Ланкло. Выпустивъ и эти милліоны въ трубу, вѣчно юная супруга Алексѣя Михайловича Пашкова задумала новую авантюру: не рассчитывая больше по какимъ-то причинамъ на европейскіе кошельки, она съ увѣренностью и отвагой побѣ-

дителя направила свой корабль прямо къ устьямъ Нила, въ страну фараоновъ, чтобы захватить тамъ въ плѣнъ unbedingt богатаго великолѣпнаго Измаиль-пашу, властелина Египта, извѣстнаго каждому по исторіи прорытія Суэзскаго канала, а также, какъ пламеннаго обожателя фатальной императрицы Евгеніи.

Экспедиція удалась: врагъ былъ побѣжденъ и сложилъ къ ногамъ русской чародѣйки „золотое“ оружіе, что и требовалось прежде всего...

У меня сейчасъ не хватаетъ красокъ и словъ, чтобы изобразить перомъ ту безумную роскошь, которую устроилъ щедрый любовникъ для сирены, пришедшей къ нему изъ далекаго, холоднаго сѣвера и которой, достаточно будетъ сказать, могла бы позавидовать любая королева.

Но ненасытная душа этого причудливаго созданія, требуя отъ жизни чего-то прямо невозможнаго, искала выхода на широкій просторъ и не находила себѣ покоя, а крылатая фантазія уносила ее въ другой міръ; неугомонное сердце, гибкое, какъ змѣя, томилось въ душныхъ стѣнахъ, украшенныхъ царскими тканями, и ей становилось уже не подъ силу ревнивое обожаніе пламеннаго азіата...

Такъ или иначе, а кончила она тѣмъ, что отправилась въ турне по Европѣ, забравъ на дорогу и сундуки, наполненные сокровищами Голконды...

Однако ее нигдѣ рѣшительно не ограбили?! Мнѣ также извѣстно, что она сама по личной инициативѣ размотала свое добро безъ всякаго участія хотя бы, на примѣръ, какого-либо германскаго принца?! Впрочемъ, это произошло по условіямъ эпохи: достойный сынокъ достойнаго отца еще тогда не родился, на удивленіе XX и будущихъ вѣковъ, а папаша его, талантливый ученикъ Бисмарка, тѣмъ же временемъ сидѣлъ на школьной скамьѣ, изучая карту земнаго шара, что пригодилось ему сейчасъ...

Пока неувядаемая красавица заканчивала опустошеніе сундуковъ, вывезенныхъ изъ Египта, мужъ ея ироніей судьбы продолжалъ занимать скромное мѣстечко агента русскаго пароходства въ портовомъ городѣ Александретѣ.

Туда мы довольно часто ѣздили по дѣламъ земельной собственности моего дяди, купившей ее для перепродажи французской компаніи, дѣлавшей изысканія въ Сиріи для соединенія ея желѣзными дорогами съ Египтомъ.

Затѣмъ, планы Лессепса рухнули, а съ ними и громадная площадь земли, скупленная иностранцами для той же цѣли,

потеряла всякое значеніе, и пришлось такимъ образомъ ликвидировать ее.

У А. Н. Пашкова также былъ участокъ рядомъ съ тѣмъ, который онъ собирался продать дядѣ. На этой почвѣ между ними установились дѣловыя и пріятельскія отношенія.

Время шло. Политическій горизонтъ туманился; кровью пахло надъ Балканами, а Марсъ ковалъ войну Россіи съ Турціей. Но очаровательная „московская гурія“, какъ называлъ ее Измаилъ-паша, политикой не занималась и, говоря откровенно, хорошо дѣлала: не было тогда ни „кайзера“, ни пройдохи Энвера—слѣдовательно, и ничего интереснаго!

Ея красивую головку осаждали другія мысли, другія заботы. Словомъ, не нарушая предѣловъ скромности и тайны *льтоисчисленія*, я могу лишь добавить сюда, что она незамѣтно для себя ко времени, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, уже перешагнула роковой возрастъ. Какой? Когда?.. Ну, объ этомъ исторія умалчиваетъ...

Теперь мнѣ остается подойти къ развязкѣ драмы супруговъ Пашковыхъ.

Въ одинъ прекрасный день герою настоящаго разсказа вручили пакетъ изъ Россіи. Въ немъ заключалось увѣдомленіе о смерти кузена и о передачѣ ему, какъ старшему въ родѣ, майоратныхъ угодій на Волгѣ. Туда онъ и отправился.

Но по его слѣдалъ уже мчалась на обломкахъ своего корабля, растрепаннаго житейскими бурями, очаровательная грѣшница, чтобы предъявить ему законныя права, какъ на его сердце, такъ и на кошелекъ...

Что произошло затѣмъ—объ этомъ разскажетъ читателю сама госпожа Пашкова, а пока я могу резюмировать лишь тѣ свѣдѣнія, какія находились у меня тогда, въ слѣдующемъ видѣ.

Наслѣдство, которымъ наградила судьба покинутаго мужа оказалось прежде всего не изъ блестящихъ: оно было разстроено, запущено и требовало отъ хозяина большого запаса энергіи чтобы возстановить его доходность.

Благодарный и за это Алексѣй Михайловичъ съ подъемомъ духа собственника, вернувшася, наконецъ, къ себѣ домой изъ чужого угла, принялся за дѣло. Но его супруга, что мнѣ было извѣстно, и не нашла тамъ Калифорніи, а затѣмъ я видѣла ее у разбитаго корыта...

Чтобы дорисовать портретъ „знаменитой“ Надежды Сергѣевны, мнѣ остается только иллюстрировать здѣсь одну сценку, гдѣ она говоритъ сама за себя, не требуя комментаріевъ.

Это происходило на палубѣ русскаго парохода „Олегъ“, почти наканунѣ объявленія войны Турціи.

Дядя, тетка и я съ ними возвращались изъ Александреты, куда ѣздили по дѣламъ аренды и ликвидаціи участковъ земли, о чемъ я уже рассказывала выше.

Каюты и салоны были заполнены въ большинствѣ нашей русской публикой, уѣзжавшей изъ Египта и Яффы.

На верхней рубкѣ мы увидѣли даму всю точно-сотканную изъ кружевовъ и розовой кисеи. Она дремала въ американской качалкѣ, а надъ ея головой черныи мароканецъ-лаксі держалъ китайскій зонтикъ.

Я первая узнала ее и окликнула. Послѣ обмѣна рукопожатій, привѣстій и т. д. мы усѣлись вокругъ столика, любезно предложеннаго капитаномъ парохода, видимо уже плѣненнаго нашей сиреной. Здѣсь, кстати, пока она распоряжается сервировкой фруктовъ, вывезенныхъ ею изъ садовъ хедива, я пользуюсь моментомъ, чтобы отмѣтить для ясности разсказа удивительно симпатичную черту характера этой женщины: всегда и вездѣ даже подъ флагами метаморфозъ и невѣроятныхъ превращеній во вкусѣ А. Дюме, Ев. Сю и т. п. она, не стѣсняясь, заявляла о своей пламенной любви къ родинѣ—Россіи, называла себя русской, гордилась этимъ въ противоположность нашимъ авантюристкамъ „большаго свѣта“ (я знала и знаю такихъ лично), скрывающихъ за границей свой національный обликъ. Да будетъ имъ стыдно!..

У моей Надежды Сергѣевны на почвѣ горячаго патріотизма была еще другая слабость, которая дѣлала ее иногда очень смѣшной; но зато невольно подкупала въ ея пользу, а именно ея болѣзненное пристрастіе, какъ это и было замѣтно, къ народному говору, а въ особенности она слишкомъ даже злоупотребляла нашими пословицами, коверкая ихъ немилосердно до ужаснѣйшаго абсурда. Впрочемъ ей такъ казалось, будто бы она великолѣпно знала русскій языкъ и всѣ его обороты. Ничего подобнаго даже не могло быть: она слишкомъ долго жила за границей, думала и размышляла только по-французски, а потому совершенно безсознательно усвоила манеру переводить буквально слово въ слово французскую рѣчь и мысли на русскій языкъ. Отъ знанія роднаго языка у нея сохранились вѣрный акцентъ, произношеніе, названіе предметовъ, глаголы и другія части рѣчи; но распоряжалась она ими такъ смѣшно, такъ путала ихъ съ французскими словами, что невозможно было слушать ее, не заливаясь хохотомъ прямо до истерики и коликъ. Ничего не могло быть забавнѣе, когда она дословно

переводила галлицизмы и, вообще, риторическія фигуры, воображая при этомъ, что они вполнѣ соответствовали нашимъ пословицамъ и прибауткамъ.

Какъ образчикъ ея рѣчи вотъ, на примѣръ: „Я имѣла въ Александріи лошадку, она хорошо бѣгала животомъ по землѣ¹⁾. Или еще: „Я люблю говорить съ моими „соопатріотами“ на діалектѣ милой „патріи“. Здѣсь весьма даже остроумная комбинація двухъ понятій въ одно: русскаго „соотечественникъ“ и французскаго „patrie“.

Видимо, дѣла Надежды Сергѣевны были не изъ важныхъ послѣ окончательнаго краха у семейнаго очага. Теперь она возвращалась изъ Египта въ милую „патрію“; но мимоходомъ, какъ затѣмъ оказалось, ей улыбнулась мысль бросить якорь „на мало времени“ въ синія воды Босфора, на берегахъ котораго проживали въ своихъ дворцахъ оттоманскіе сановники и принцы съ ихъ гаремами.

На возраженія дяди и тети она убѣжденно отвѣтила: „Allons donc! если турки „белликезны“²⁾, то они будутъ каптивировать; le prince Горчаковъ и le général Игнатьевъ красивыхъ, молодыхъ женщинъ они любятъ“. Ахъ, какъ жаль, что она не дожила до нашихъ дней!..

Такимъ образомъ мы и узнали, что въ странѣ фараоновъ золотая нильская рыбка также перебросила ее къ разбитому корыту, какъ и волжскій осетръ...

Ей было уже за 45 лѣтъ приблизительно; но волшебная красота этой, дѣйствительно, русской Нинонъ Ланкло устояла противъ разрушительныхъ силъ времени, и она твердо вѣрила, что своенравная богиня судьбы выведетъ ее рано или поздно на желанный путь.

Для тѣхъ немногихъ, вѣроятно, изъ моихъ читателей, кто не вполнѣ посвященъ въ тончайшіе изгибы французской риторики съ ея образными галлицизмами, метафорами и другими особенностями діалекта, я дѣлаю выноски въ подстрочныя замѣтки, чтобы никто изъ нихъ не могъ бы утверждать, будто бы моя героиня на протяженіи слѣдующей за симъ главы мелеть отчаянный вздоръ и несетъ чепуху, какъ это и случилось и о чемъ будетъ ниже.

¹⁾ Галлицизмъ: Courir ventre à terre—скакать въ карьеръ.

²⁾ Etre belliqueux—быть воинственнымъ.

Глава II.

— Русская пословица говорить: „кушай пироги и держи правду зубами“. Но для вашей „фамиліи“¹⁾ у меня сердце на губахъ²⁾, сказала она—глубоко тронутая участіемъ, которое невольно звучало въ разспросахъ моихъ дяди и тети:—я кладу себя на коверъ?³⁾ Развѣ можно такъ? Нашъ марьяжъ сдѣланъ передъ отелемъ⁴⁾ Господа Бога, и всякій мужъ беретъ „облигаціи“ давать женѣ ресурсы жить, какъ говоритъ русская пословица: по ножкѣ надѣнь чулочки⁵⁾—кажется такъ?

— Да! да! такъ,—отвѣтила я за всѣхъ, глотая слезы.

— Я не тигресса⁶⁾, это не моя „повинность“, что кутюрьерки берутъ столько много денегъ,—возмущаясь, продолжала она,—я клала себя на четыре⁷⁾, сдѣлала себя большой, большой—„экономкой“⁸⁾, столько много разъ говорила ему: „прогони своего интенданта⁹⁾, онъ поведетъ насъ къ руинѣ¹⁰⁾—такъ больше нельзя! А онъ, знаете, что сказалъ?—съ негодованіемъ спросила она; но отвѣта не получила, такъ какъ у насъ всѣ губы были уже искусаны зубами.

— Такъ вотъ что онъ сказалъ мнѣ,—волнуясь продолжала она, не замѣчая нашего слишкомъ веселаго настроенія,—это все за грацію¹¹⁾ твою я буду дѣлать банкротъ! Развѣ такъ можно?

Молчаніе было ей отвѣтомъ, и она въ экстазѣ продолжала.

— Тогда я не знала, какую партію брать на него¹²⁾! Покупала дешевую дантелю, да!—да! русскую дантелю, а не Bruxelles!—заливаясь слезами, подчеркнула эта несчастная жертва супружескаго деспотизма.

— Ну, вотъ и отлично!—похвалилъ дядя, а затѣмъ даръ слова опять оставилъ его.

— Я вся растаяла¹³⁾ въ моихъ слезахъ, брала себя въ двѣ

¹⁾ La famille—семья.

²⁾ Галл.: avoir le coeur les lèvres—быть откровеннымъ.

³⁾ Mettre une affaire sur le tapis—просить справедливаго рѣшенія.

⁴⁾ autel—престолъ въ храмѣ.

⁵⁾ По одежкѣ протягивай ножки.

⁶⁾ Тигрица.

⁷⁾ Галл.: Se mettre en quatre—стараться угодить.

⁸⁾ Стала очень экономна.

⁹⁾ Intendant—управляющій домомъ, имѣніемъ и т. д.

¹⁰⁾ Se ruiner—разорять себя.

¹¹⁾ Grâce à toi—благодаря тебѣ.

¹²⁾ Не знала на что рѣшиться.

¹³⁾ Fondre en larmes—плакать.

руки ¹⁾ и молилась Доброму Боженькѣ ²⁾, какъ говорила моя няня, просила его дать „бѣдному дьяволу ³⁾ резонъ, вся была изъ себя ⁴⁾, а онъ дѣлалъ глухое ухо ⁵⁾ и приказалъ интенданту не платить моихъ депансовъ.

— Ахъ, какое несчастіе!—перебилъ мой дядя съ непритворнымъ огорченіемъ.—Но почему вы не остались у него? Такое прекрасное имѣніе, родовое гнѣздо! Ну, хотя бы ради дѣтей, ради вашего любимца сына? Алексѣй Михайловичъ говорилъ мнѣ самъ какъ-то, если бы вы сократили хотя бы часть вашихъ расходовъ на модныя, глупыя эти тряпки, то и все наладилось бы между вами... Подумайте же, наконецъ, о дѣтяхъ!..

— Ахъ, не терзайте моего сердца!—не давая ему договорить, воскликнула несчастная мать,—Дѣти! Это все для меня! Мой сынъ! о, бѣдный дьяволъ ⁶⁾! Но я уже взяла сепарацію—бѣдный André, бѣдный дьяволъ! И небо свидѣтель, я даже хотѣла умирать! Я уѣхала съ толстымъ, толстымъ сердцемъ ⁷⁾...

— Вполнѣ понимаю васъ,—подтвердила моя тетушка,—хотя Богъ не судилъ мнѣ такого громаднаго счастья, но понимаю васъ, какъ мать...

— Ахъ, пегсі, пегсі, дорогая Марья Александровна,—обнямая ее, расплакалась нѣжная маменька,—ваши слова я всегда буду сохранять на фонѣ моего сердца ⁸⁾. Мой бѣдный дьяволъ! André! ахъ, если бы вы слышали, какъ онъ просилъ меня не ѣхать далеко! Мaman!—говорилъ онъ, ты уже дама на ретурѣ ⁹⁾, останься у насъ, папа тебя обожаетъ! Не ѣзди—заболѣешь въ вуаяжахъ! Но я сказала ему: Сынъ мой, не я, а этотъ интендантъ, этотъ рагвепи толкаетъ въ яму твоего „бѣднаго отца“, не забывай твою „бѣдную мать“—я поѣду дергать чорта за хвостъ ¹⁰⁾, а ты сохраняй свою „бѣдную мать“ на фонѣ твоей души, мой бѣдный, бѣдный дьяволъ!..

¹⁾ Tenir la patience à deux mains—набраться терпѣнію.

²⁾ Au Bon Dieu—Милосердному Господу.

³⁾ Pauvre diable—„бѣдняга“: ласкательное, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ „достойный сожалѣнія“. Такъ или иначе, а чрезвычайно для нашего уха необыкновенная кличка любимаго, напримѣръ, человѣка.

⁴⁾ Etre hors de soi—войти изъ себя, страшно волноваться.

⁵⁾ Галл.: faire la sourde oreille—притворяться.

⁶⁾ Здѣсь уже въ крайне нѣжномъ значеніе.

⁷⁾ Avoir le coeur gros—имѣть тяжелое горе на сердцѣ.

⁸⁾ Въ глубинѣ сердца.

⁹⁾ Галл.: Une dame sur le retour—дама уже въ лѣтахъ.

¹⁰⁾ Tiser le diable par la queue—терпѣть нужду, скитаться отъ нужды по бѣлому свѣту.

Почему-то за французами установилась репутація легкомысленныхъ, фривольныхъ, плохимъ мужей и сыновей, вѣчно бѣгающихъ по кафе, по бульварамъ и вообще людей не серьезныхъ, не домовитыхъ и пр.

Въ параллель къ нимъ эти пивныя бочки, эти звѣри и варвары-нѣмцы стояли у насъ на другомъ счету: имъ охотнѣе, напримѣръ, довѣряли воспитаніе дѣтей, чѣмъ французамъ, ихъ приглашали управлять домами, заводами и мало ли еще чѣмъ, какъ серьезныхъ, положительныхъ, бережливыхъ и другихъ великолѣпныхъ душевныхъ качествъ людей. А между тѣмъ настоящая война, приподнявъ завѣсу какъ надъ тѣмъ, такъ и другимъ народомъ, открыла глаза всему человѣчеству. Да будутъ прокляты убійцы, каины, грабители, оставимъ ихъ чтобы хотя на одно мгновеніе забыть кошмаръ, висящій надъ міромъ, созданный Милосерднымъ Творцомъ, а не „дьяволомъ“, кузеномъ Вильгельма.

И только боюсь, какъ бы „*raucge diable*“ не предъявилъ бы ко мнѣ иска; но могу его впередъ завѣрить, что рѣчь шла сейчасъ о нѣмецкомъ, а никакъ не о французскомъ „добромъ дьяволѣ“, съ которымъ красавица Надежда Сергѣевна обращалась такъ фамиллярно.

Итакъ, помянемъ его добрымъ словомъ и вернемся къ темѣ.

Всѣ мы, конечно, знаемъ, что ни одинъ французъ, а тѣмъ болѣе француженка не могутъ и 10 словъ сказать безъ упоминанія нѣжныхъ и чувствительныхъ „*mon raucge père*“, но чаще „*ma raucge mère*“, хотя послѣдніе и вовсе не нуждались бы въ сострадательныхъ порывахъ своихъ дѣтей.

Не говорятъ ли это о мягкости ихъ души и объ ихъ скорѣе патріархальныхъ нравахъ наперекоръ предвзятому понятію, что якобы французы не обладаютъ семейными добродѣтелями?

Н. С. Пашкова такъ долго жила за границей, по преимуществу во Франціи, что оказалась также волей-неволей зачисленной въ разрядъ „бѣдныхъ, несчастныхъ родителей“.

— Ахъ, Боже мой!—вдругъ спохватилась она,—я еще не передала вамъ много интереснаго, что сдѣлаетъ вамъ страхъ. Въ моемъ турне по Египту я имѣла *tête-à-tête* у хедива: Турція скоро въ маломъ времени будетъ поднимать свои ружья на Россію¹⁾...

— Намъ это уже извѣстно,—вмѣшалась, наконецъ, тетя, сохранявшая до сказаннаго момента глубокое молчаніе, чтобы не выдать себя.

¹⁾ Prendre les armes—поднять оружіе.

— Нѣтъ! я другое знаю еще,—перебила ее наша собесѣдница, — я совсѣмъ не курьезная ¹⁾ для *politique du général* Игнатъевъ, мнѣ говорилъ хедивъ, я потащила у него всѣ черви изъ его носа ²⁾, что Турція будетъ каптивировать красивыхъ дамъ и водить къ султану въ гаремъ...

— Вотъ оно что!—мелькнула у насъ одна и та же догадка, — не дурно!..

Такимъ образомъ мы были не далеки отъ истины—чтобы развязаться въ отцвѣтавшей такъ или иначе красавицей, перешагнувшей фатальный для женщины возрастъ, коварный любовникъ и направилъ ее въ столицу падишаха своего сюзерена, куда она и спѣшила, чтобы попасть въ плѣнъ въ первую же очередь.

— А какъ ваши дѣла съ хедивомъ?—спросила не безъ лукавства моя тетушка. Но вопросъ остался безъ отвѣта.

— *Garçon!*—позвала официанта кандидатка въ гаремъ Абдуль-Гамида,—дайте мнѣ стаканъ воды и положите тамъ немного капель вина...

Лакей бросился со всѣхъ ногъ, чтобы исполнить приказаніе пассажирки, за которой ухаживалъ самъ г. капитанъ.

— Я имѣю жажду!—договорила она, видимо сконфуженная.

— Давайте пить чай по-русски!—предложилъ дядя.

— *Oh, non! merci!*—возразила будущая одалистка его величества падишаха,—я имѣю свою привычку, когда бываю въ вуаяжахъ и беру мою чашку между собакой и волкомъ ³⁾... Солнце сейчасъ ляжетъ ⁴⁾, мнѣ пора въ мою „постельку“, какъ говорила моя „бѣдная“ няня—она уже покойная ⁵⁾... *Bonsoir!*

Съ этимъ пожеланіемъ она вспорхнула, какъ чайка надъ водой и понеслась къ своей „постелькѣ“.

Къ разговору нашему давно съ напряженнымъ, чрезвычайнымъ вниманіемъ прислушивались двѣ среднихъ лѣтъ дамы, сидѣвшія также въ качалкахъ за спиной Пашковой. По нѣкоторымъ примѣтамъ, то были московскія купчихи и возвращались съ богомолья въ Іерусалимъ.

Когда наша собесѣдница переводила галлицизмы на русскій языкъ, онѣ дѣлали большіе глаза, а при упоминаніяхъ „чорта“,

¹⁾ *Curieuse*—любопытная.

²⁾ Галл. *tirer les vers du nez*—заставить проговориться.

³⁾ Галл. *entre chien et loup*—сумерки.

⁴⁾ *Le soleil se couche*—солнце садится.

⁵⁾ Т. е. умерла.

„дьявола“, волка, червей и другихъ ужасовъ, крестились, испуганно переглядываясь между собой. Затѣмъ, когда Пашкова упорхнула, обѣ вздохнули такъ, какъ будто съ ихъ плечъ скатились горы и онѣ уцѣлѣли.

— Господа!—обратилась одна изъ нихъ къ намъ съ вопросомъ,—извините, что беспокою васъ, но, знаете, дѣло къ ночи идетъ, какъ бы ни приснился!..

— Объясните намъ, господа, перебила ее другая, — эта самая дама, что сидѣла здѣсь... какъ она: дурочка отъ рожденія или такъ порченая?

Тетя отвѣтила, что, наоборотъ, умная и совершенно здоровая.

— Такъ зачѣмъ же она мелеть такое, что и повторить-то нельзя православному человѣку.

— „Рогатый“ и все такое на языкѣ у нея—добавила первая дама.

Мы съ великимъ усердіемъ растолковали обѣимъ москвичкамъ о значеніи именъ и прозвищъ „рогатаго“ во французскомъ діалектѣ.

— А! это отъ француза!—воскликнула старшая, видимо очень строгая особа,—ну, теперь понимаемъ. Народъ онъ „лядацій“ и безбожникъ...

Нечего сказать, хорошему научилась, шатаюсь по за границамъ! Сыночка родного, страшно и вымолвить, не пожалѣла, какимъ словомъ обозвала?!

— Да что она русская, али какой другой вѣры?

Мы объяснили.

— То-то слушаю я: по говору наша россейская, а мелеть не знать что! У кого-то червей изъ носа таскала, съ волками чай пила? Живу на свѣтѣ, а ничего такого не слыхала,—возмущаясь, говорила младшая дама.

— Ну, не говори, Анна Никифоровна, а тутъ что-то не ладно, перекрестилась другая и плюнула въ сторону лѣваго плеча, гдѣ обыкновенно засѣдаетъ другъ кайзера,—а все отъ француза идетъ у насъ это. Развѣ не слыхала ты, какъ она сама призналась, что его-то. самого, врага человѣческаго рода за хвостъ держала?

— А помнишь ты, Марья Лаврентьевна,—продолжала она,—того мусью, который жилъ при мальчикахъ у Семена Семеновича Образцова? Бывало что-то лопочеть по-своему съ дѣтьми, прости Господи, а самъ такъ и сыпетъ, такъ и сыпетъ именемъ искусителя насъ грѣшныхъ.

— Это уже не то!—возразила Марья Лаврентьевна,—на то онъ и французъ, чтобы съ нечистымъ водить дружбу и компанію; но обидно, что наша православная допустила себя также до этого—вотъ что не хорошо!

— А замѣтила ты, Марья Лаврентьевна,—спрашивала ее Анна Никифоровна,—какъ она объ мужѣ своемъ отзывалась непочтительно? Охъ, плохая барыня, что ни говори. Вотъ кого бы въ жены моему Егору Ивановичу, постегалъ бы ее маленько разъ, другой—живо дурь изъ головы-то вылетѣла бы...

Еще долго подруги изъ Замоскорѣчья охали, ахали, крестились, плевали, обсуждая вопросъ о „рогатомъ“; но всему бываетъ конецъ, даже самой пріятной компаніи, и мы разошлись по своимъ каютамъ.

Равномѣрный стукъ машины, плавный ходъ парохода, шепотъ классическаго моря, и все населеніе „Олега“ погружается въ глубокій сонъ.

Е. Рагозина.

